

ОБОСНОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ О ПРИЗНАНИИ БИЛИНГВОВ С УНАСЛЕДОВАННЫМ ЯЗЫКОМ УРОЖДЕННЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ЭТОГО ЯЗЫКА

PRESUMPTION OF RECOGNISING HERITAGE SPEAKER BILINGUALS AS NATIVES

**O. Nekrasova
I. Mazirka**

Summary. In the article, the author challenges the generally accepted position in the linguistic sciences that monolingualism and nativeness are essentially synonymous in an exclusive way. By methods of description and comparison, the author makes arguments for proving that naturalistic bilinguals and multilinguals both exposed to a language in early childhood are also native speakers. The author's presumption is based on proving: 1. that bi-/multilinguals have multiple native languages: 2. nativeness can be applicable to a state of linguistic knowledge that is characterized by significant differences to the monolingual baseline.

Keywords: Bilingualism, multilingualism monolingualism, native speaker, nativeness, linguistics.

Некрасова Ольга Алексеевна

Аспирант, Московский государственный областной
университет
olynchik_86@mail.ru

Мазирка Ирина Олеговна

Д.филол.н., профессор, Московский государственный
областной университет
mazirka_den@mail.ru

Аннотация. В статье оспаривается точка зрения ряда лингвистов о том, что монолингвизм и нативность априори являются единственными синонимами. Используя описательный и сравнительный методы исследования, автор приводит аргументы в пользу того, что естественные билингвы (владеющие двумя языками от рождения) и мультилингвы (те, кто владеют несколькими языками, начав их изучать в раннем возрасте), одинаково могут считаться урожденными носителями языка. Точка зрения автора обосновывается через доказательство того, что 1. билингвы / мультилингвы имеют несколько родных языков и 2. нативность может быть отнесена к наличию таких лингвистических знаний, которые значительно отличаются от монолингвистического стандарта.

Ключевые слова: Билингвизм, мультилингвизм, монолингвизм, носитель языка, нативность, лингвистика.

Лингвисты иногда намеренно, а иногда вовсе неумышленно заявляют об абсолютной эквивалентности и синонимичности понятий «монолингвизм» и «естественное, врожденное освоение языка», (назовем его в этой работе «истинная нативность»), при этом приписывая абсолютную исключительность этому ряду.

Цель нашей работы ни в коем случае не состоит в категоричном оспаривании как истинности утверждения о том, что монолингвы являются урожденными носителями языка, так и не в отрицании включения каких-либо не монолингвистических групп урожденных носителей языка в «сообщество» истинных урожденных носителей

языка, а скорее в том, чтобы сам ход выполнения данного исследования, его результаты и выводы смогли бы привлечь внимание ученых-лингвистов к проблеме поиска эталона понятия «истинная нативность» как такового; при этом также можно было бы оспорить утверждение об исключительном превосходстве монолингвов, в качестве единственных в своем роде урожденных носителей языка.

Вопросы монолингвизма и билингвизма всегда представляли большой интерес как для отечественных ученых, таких, как Е. М. Верещагин [1], М. В. Копотев («наследуемый язык») [3], С. Г. Николаев [5], Е. Д. Поливанов [7], М. С. Полинская («унаследованный язык») [15], Е. В. Рахи-

лина («язык семейного наследия», «эритажный» или «херитажный» язык) [2], Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба [8] и др., так и для их зарубежных коллег — Anastassiou, Andreou, Liakou [11], У. Вайнрайх, А. Мартине, А. Мейе, Ч. Осгуд, С. Сводеш, Э. Хауген, Г. Шухардта, С. Эдвин, и др. и рассматриваются в лингвистике уже на протяжении довольно долгого периода времени. Однако следует заметить, что некоторые проблемы, в частности, вопрос об определении истинной нативности языка, были интересно, с нашей точки зрения, проанализированы в работах зарубежных авторов (Полинский, Каган [14], Монтрул [13], Родригез [16], Ротман [18]), где упомянутые ученые активно дискутируют вопрос об особом статусе и значении билингвизма в рамках появившейся новой области исследований о билингвах с унаследованным языком. В этом мы видим актуальность нашего исследования.

Задачи исследования

1. Описать современную ситуацию, сложившуюся в науке в поле изучения нативности языка и поиска эталона последней.
2. Представить аргументы в пользу утверждения о том, что билингвы с унаследованным языком могут быть квалифицированы в качестве урожденных носителей языка, на котором они говорят в своих семьях.
3. Представить аргументы в пользу разъяснения вопроса — можно ли считать индивида носителем языка, если он не показывает при тестировании ожидаемых результатов, согласно данным и исследованиям по монолингвизму.
4. Выявить несоответствия в вопросе по определению нативности языка и рассмотреть более детально следующие положения:
  - а) носители унаследованного языка имеют несколько родных языков;
  - б) нативность применительно к немоналингвистическим стандартам.

Теоретическая значимость работы заключается в представлении аргументов в пользу предположения о том, что не только монолингвов, но и билингвов с унаследованным языком можно считать урожденными носителями языка, а их язык признавать в качестве стандартного с меткой «родной».

Практическая значимость — полученные результаты исследования подтверждают, что дальнейшее игнорирование предложенной в работе аргументации относительно определения нативности языка, на практике может означать непринятие положения мировой лингвистической реальности, которое утверждает, что мультилингвизм, билингвизм и их изу-

чение играют важную роль в получении лингвистического знания.

Новизна исследования видится в представлении аргументов в пользу утверждения о том, что билингвы с унаследованным языком являются урожденными носителями языка и их язык следует признать в качестве стандартного с меткой «родной». В работе также приведены аргументы в пользу положения о том, что понятие «нативность языка» не должно считаться абсолютно эквивалентным понятию «относительно доминирующий язык».

Итак, большая часть из упомянутых в начале работы лингвистов довольно часто в своих научных размышлениях и рассуждениях, а также на практике в обозначенной нами сфере лингвистических интересов используют термины «монолингвистический» и «родной» как взаимозаменяемые. Безусловно, монолингвы (при чем хорошо образованные и использующие *престижный* диалект родного языка), фактически являются исключительной группой людей, с помощью которой ученые-лингвисты всегда рассчитывают получить «правильные» знания о языке, например, если бы им понадобились данные («консультации») по описанию определенных структур этого языка (назовем его языком *X*).

Проблема описания диалектной вариативности языка, которая тесно и напрямую связана с вопросом об отклонении от стандартных норм в языке, является одной из важных и интересующих ученых проблем в лингвистике. Однако и в этом случае всегда необходимо сравнение полученных данных со стандартным вариантом языка *X*, поэтому здесь также задействуются монолингвы как идеализированные носители этого языка с неким исключительным правом на «звание» его истинных (урожденных) носителей.

Несмотря на частую критику такого рода «выбора» истинных носителей языка для указанных целей, все же эта процедура до сих пор остается стандартной практикой для большинства лингвистов, занимающихся проблемами нативности языка. К числу критиков такого подхода можно отнести социолингвистов и этнографов Блумерта (*Blommaert*) и Рэмптона (*Rampton*), которые часто выступали против решения своих коллег отбирать для научных исследований группы людей — исключительно носителей *престижного* диалекта, поскольку считали этот выбор «нежелательной идеализацией ситуации» [9]. В числе лингвистов, критикующих подобный подход в исследованиях, также были и те, кто работал в области когнитивной лингвистики, например, Е. Дабровска (*Dabrowska*), сумевшая продемонстрировать в одной из своих работ возможность существования нескольких состояний монолингвистического стандарта

в зависимости от отличий вводной информации в подгруппах монолингвов [10].

Что касается области усвоения языка, то здесь многие исследователи скорее больше принимают во внимание уже привычное «ошибочное» (с нашей точки зрения) умозаключение относительно признания исключительности монолингвистического стандарта в языке, т.е. монолингвы практически всегда рассматриваются в качестве сравнительного эталона для всех случаев, касающихся исследований как билингвизма, так и мультилингвизма, несмотря на то, что существуют достаточно веские основания этого не делать (например, исследования Ромэина [17]). Следует заметить, что мы также не разделяем и ту точку зрения, что билингвы и мультилингвы не могут быть в принципе использованы в качестве материала для исследования интересующей нас проблемы, правда, если только при этом не заниматься глубоко и основательно изучением сложного процесса признания такого рода индивидов урожденными носителями языка. Мы также не сочли нужным и правильным включить в качестве примеров в наше исследование взрослых последовательных билингвов, изучающих язык (обозначим их как обучающиеся L_2), с явно доминирующим их первым, родным языком (L_1) и считать их контрольными испытуемыми со своим первым языком. Ведь существует мнение, что успешно овладевший, например, русским, португальским и др. языком взрослый — L_2 , проживающий в США с родным для него английским языком, также может быть использован в качестве контрольного испытуемого «родного» английского языка, по крайней мере, это мнение разделяют большинство ученых, тесно работающих с данной проблемой в лингвистике (Ромэина [17]) Дабровска [10] др.). Однако следует заметить, что даже если человек из группы L_2 и добьется очень высокого уровня в освоении русского, португальского и др. языков, все же носителем этого языка считать его будет нельзя, поскольку он все же не обладает достаточно обширным и богатым естественным опытом тех людей, для которых русский, португальский и др. языки являются родными языками и, следовательно, данный индивид не будет соответствовать ни одному из критериев, которые можно было бы неоспоримо применить к нативности.

Для достижения цели и решения задач нашего исследования считаем важным рассмотрение следующего вопроса: почему билингвы, которые, с точки зрения хронологии, обладают эксклюзивным статусом носителей языка (L_1 носители) и при этом являются монолингвами унаследованного языка L_1 дошкольного возраста (то есть дети L_2 , усвоившие основной язык окружения, или последовательные билингвы обоих языков), не могут рассматриваться как урожденные носители унаследованного языка. Это предположение, как мы уже за-

метили ранее, не принимается большинством ученых, поэтому вполне понятно их решение не применять метку «родной язык» ко всем билингвам, а только к тем, кто рос в условиях второго языка с детства (используя его в виду необходимости общения) и при этом после взросления унаследованный язык не стал для них доминантным.

Безусловно, что в соответствии с законами языка и / или при их реализации на практике, речь носителей унаследованного языка (HSs) часто значительно отличается от речи монолингвов, и само усвоение языка отдельными носителями унаследованного языка (HS) характеризуется наличием в ней различного рода и степени отклонений от стандартного варианта. Такого рода отклонения, как правило, не наблюдаются среди монолингвов [13].

Тем не менее, знание законов языка и наши предположения, изложенные двумя параграфами выше, не исключают возможности для билингвов с унаследованным языком (HS) быть квалифицированными в качестве урожденных носителей языка, на котором они говорят в своих семьях. На практике же знание законов лингвистики все же не позволяет считать взрослых билингвов урожденными носителями унаследованного языка, и если учитывать тот факт, что они часто были детьми L_2 , усвоившими основной язык окружения, то возникает вопрос, какой тогда язык следует считать их родным?

Второй проблемой нашего исследования считаем рассмотрение вопроса, можно ли считать индивида носителем языка, если он не показывает при тестировании те результаты, которые ожидаемы в этом случае при монолингвизме. Следует заметить, что мы вовсе не имеем в виду те ожидаемые знания, которые сами по себе были получены людьми, изучающими язык только в его стандартном варианте. Многие монолингвы часто сами не являются носителями стандартного варианта языка и нередко демонстрируют это в своей речи. Однако не следует считать такие проявления нестандартного варианта языка у монолингвов, как нечто, что мешает считать их урожденными носителями этого языка, во всяком случае, с точки зрения, диалектного варианта их языка X . Несмотря на то, что многие взрослые билингвы с унаследованным языком (HS) продолжают считаться носителями унаследованного языка, все же частично (те, кто имеют высокий уровень владения унаследованным языком) демонстрируют такие варианты отклонений, которые отличаются от общих монолингвистических стандартов или вовсе являются нестандартными вариантами, что позволяет отнести этих индивидов к какой-то другой группе, а не к истинным носителям унаследованного языка. Этот факт подтверждает и сравнение носителей унаследованного языка с теми взрослыми, которые изучали этот язык как второй, Четкое определение это-

му различию дать сложно, но факт его существования не вызывает у нас сомнения и также поддерживается рядом отечественных ученых, таких как М. С. Полинская, Е. В. Рахилина, А. С. Выренкова [15].

В определении сущности понятия «родной язык» существуют разные мнения и подходы как в отечественной, так и в зарубежной науке. Родным для человека считается тот язык, который он усваивает в раннем возрасте в результате естественного воздействия на индивида аутентичного социально контекстуального / речевого сообщества [22].

Все описанные Ротманом и Трефферс Даллером критерии родного языка [18], несомненно, применимы и к билингам с унаследованным языком. Однако, как мы уже заявляли ранее, многие исследователи до сих пор не относят этих билингов к группе носителей языка.

Все это происходит из-за общего, с нашей точки зрения, неверного понимания рядом ученых нативности в языке, которую они не совсем верно связывают (объединяют) с понятием «относительное доминирование» (доминирование родственных связей). Безусловно и вполне логично утверждать, что монолингвы способны доминировать только в одном языке, а именно в том, на котором говорят, и, поэтому естественно считаются урожденными носителями языка по умолчанию. Однако билингвы (как отдельные их представители, так и группы) постоянно находятся в состоянии относительного доминирования унаследованного языка. Как указывается в работах Трефферс-Даллера, а также Сильвы Карвалан [21], если принимать во внимание только чисто лингвистические термины, то сразу же становится не совсем понятным, что такое доминирование в языке, поскольку большинство ученых используют этот термин без четкой оценки и определения грани того, что больше, а что меньше развито в одной языковой системе билингов по сравнению с другой.

Однако, в целом, с нашей точки зрения, все же можно утверждать, что носители унаследованного языка, как правило, обладают более продвинутым уровнем владения основным языком, принятом в их обществе. Следовательно, если приравнять нативность к осознанному доминированию, основываясь на сравнении уровня владения языком индивидом, со стандартным вариантом этого языка (то есть, когда его языковой опыт отличается на многих уровнях), то мы обнаружим постоянно возникающее несоответствие. Дело в том, что даже если бы билингвы с унаследованным языком претерпели бы сильную языковую аттрицию (искажение речи на родном языке под воздействием усвоенного языка страны пребывания.) до периода наступления у них взросления, то они все равно бы считались урожденными носителя-

ми унаследованного языка, поскольку нативность должна являться безоценочной описательной меткой как языкового опыта, так и усвоения языка вообще.

Существуют и другие несоответствия в вопросе нативности, рассмотрим два из них более детально:

1. многие носители унаследованного языка могут рассматриваться как имеющие несколько родных языков;
2. нативность может быть охарактеризована, как часть лингвистических знаний, которая значительно отличается в своих интерпретациях согласно монологическому стандарту.

Разберем указанные несоответствия в отдельности.

1. Носители унаследованного языка имеют несколько родных языков

Следуя линии наших рассуждений, изложенных выше, вполне логично было бы утверждать, что многие (если не большинство), билингов с унаследованным языком будут квалифицироваться как люди, имеющие несколько родных языков. Данное утверждение будет верным в том случае, если, с точки зрения нативности, сослаться на язык, который человек усвоил (в основном) естественным образом и в раннем возрасте. И таким образом, имеет место (хотя и непреднамеренно) уже общепринятое объединение терминов нативности и понятия родного языка — первого языка (L1). Интересно заметить, что даже принимая точку зрения о том, что первый язык (L1) приравнивается к родному, носителей унаследованного языка (*HSs*) впоследствии следовало бы считать урожденными носителями языка, т.к. унаследованный язык является либо исключительно первым языком для них (L1), либо одним из двух таких языков (*LIs*) в случае последовательного билингвизма с унаследованным языком (*HS*). Тогда вполне очевидно, что носитель *L1* первого языка *X* всегда является носителем родного языка *X*, но в тоже время носители *L1* языка *X* не обязательно являются единственными урожденными носителями этого языка (*X*). Поэтому носителей унаследованного языка (*HSs*) можно и нужно рассматривать в качестве урожденных носителей как своего унаследованного языка, так и доминирующего основного языка окружения. Такой подход следует применять в той ситуации, когда основным языком окружения был приобретен естественным образом в раннем детстве (до или в возрасте 4–6 лет), в тот период, когда вводится школьное обучение на основном языке окружения.

Такие идеи вполне приемлемы для описания подавляющего числа носителей унаследованного языка (*HSs*) в языковых сообществах (например, большинства носителей унаследованного испанского языка в США, языков

бывших советских республик на территории России). И любые отличия языка *HSs* от монолингвов, владеющих унаследованным языком и основным языком окружения, которые могли бы быть усвоены посредством эмпирического изучения *HSs*, не смогли бы повлиять на то, чтобы изменить имеющиеся факты освоения обоих языков носителями унаследованного языка. При этом *HSs* по-прежнему, будут выступать в качестве носителей унаследованного первого языка (*L1*), познакомившись с обоими языками в раннем детстве естественным образом. Оба эти факты сами собой квалифицируют их как урожденных носителей.

Приведенные нами расхождения в позициях современных лингвистов, с нашей точки зрения, могли бы быть объяснены, с ссылкой (основанием) на существование множества сложных факторов, которые заслуживают отдельного серьезного и глубокого исследования, большого количества проверок предположений и дальнейшего широкого обсуждения этой проблемы учеными-лингвистами. В течение последних трех десятилетий по этому вопросу достаточно активно ведутся споры, но они никак не лишают какого-либо индивидуума права иметь метку носителя родного языка по уже установленным правилам.

В большинстве случаев у носителей унаследованного языка (*HSs*) доминирующим становится основной язык окружения, но этот факт сам по себе не является объективным критерием для рассмотрения этих людей в качестве урожденных носителей основного языка окружения. Напомним, что существует мнение о том, что осознанное доминирование не должно использоваться в качестве аргумента против нативности. То есть, только по той причине, что у какого-либо индивидуума не доминирует его первый язык *L1* (как это происходит со многими носителями унаследованного языка) нельзя опровергать естественный опыт усвоения им своего первого языка. Следует также заметить, что данное заключение также верно и для взрослых людей, у которых со временем становится доминирующим изучаемый ими язык *L2*.

Такое смещение доминирования языков часто происходит у индивидуумов вследствие возникновения географической отдаленности или изоляции от своих родных языковых сообществ. Хотя при этом у этих носителей языка унаследованный язык *L1* сохраняется (однако с явным акцентом в речи), не забываются правила и другие важные моменты, связанные со знанием законов изучаемого языка *L2*.

Например, приставим себе вымышленного индивидуума — Петра, прожившего за пределами России (скажем, в США) приблизительно 30 лет (сейчас Петру 51 год). В настоящее время он использует в своей повседневной

жизни почти исключительно английский язык. Его грамматика и плавность речи в новом освоенном им языке практически безупречны, хотя у него сохранились некоторые языковые особенности, которые свидетельствуют о том, что Петр — русскоязычный по происхождению. Несмотря на то, что Петр чувствует себя более комфортно, общаясь в повседневной жизни на английском языке, а не на русском, все же мало кто станет утверждать, что Петр больше не является урожденным носителем русского языка только из-за того, что у него поменялся доминирующий язык. По аналогии такого рода аргумент может быть применен и в отношении ребенка — носителя унаследованного языка. Однако то, что отличает Петра от ребенка-носителя унаследованного языка, входит именно в тот ряд критериев, с помощью которых либо относят человека к числу носителей языка, либо нет. Когда Петр начал изучать английский язык, он уже не был ребенком, и это означает, что процесс усвоения им английского языка (в основном) не проходил естественным для него образом.

Исходя из приведенного примера, носителей унаследованного языка можно охарактеризовать лишь как последовательных урожденных носителей основного языка окружения, что означает, что он / она, вероятно, освоили основной язык окружения вторым языком, но произошло это в раннем возрасте и естественным образом.

Следует также отметить и тот факт, что носители унаследованного языка получают образование почти исключительно на основном языке окружения, с помощью его же осуществляют большое количество своих социальных взаимодействий (и это все чаще происходит даже в пределах их семей (например, общение Петра с братьями и сестрами), они уже чаще идентифицируют себя как первоначальные носители основного языка окружения.

2. Нативность применительно к немоналингвистическим стандартам

Вполне разумно и правильно относить владение носителями унаследованного языка грамматикой к важной части из знания своего родного языка, и здесь мы сталкиваемся с непосредственным следствием того, что понятие «родной» в качестве описательной метки станет уже охватывать гораздо большее количество вариантов отклонений, чем это было замечено нами ранее. У некоторых лингвистов метка «родной» скорее ассоциируется с соответствием (схожестью), нежели с отличиями. С нашей точки зрения, это больше применимо к монолингвизму, чем к нативности. В лингвистической приемлемости (допустимости) неизбежно существует некая градиентность, а у отдельных монолингвов от-

мечаются характерные, чаще стилистические отличия в речи. Однако следует отметить и присутствие в достаточной степени схожести в речи монолингвов (которые, по крайней мере, говорят на одинаковом диалекте языка *X*). Если разделять термины «монолингвистический» и «родной», тогда становится легче принимать у индивида большее количество вкраплений (в виде ряда грамматических дополнений) из родного языка, что можно считать вполне положительным фактором. Следует отметить, что каковы бы не были причины, которые в конечном итоге объясняют отличия между монолингвами и билингвами с унаследованным языком, одновременно являющимися носителями одного и того же языка (например, остановка в развитии, языковая аттриция, качественные и количественные отличия введения языка, отличия в обработке — или все описанное в сочетании), все они не имеют принципиального значения для проблемы, обсуждаемой в настоящем исследовании.

Основным результатом нашего исследования считаем вывод о том, что понятие нативность может и должно применяться к состояниям лингвистического знания, которые можно охарактеризовать как отличающиеся (даже значительно) от монолингвистического стандарта и не важно, как будут объясняться эти отличия. По мнению Дабровской, например, нет такого понятия, как монолингв, но есть несколько монолингвистических стандартов, отражающих разнообразие языкового вы-

ражения на всех уровнях [10]. Из этого следует, что это разнообразие будет увеличиваться в различных билингвистических ситуациях.

Перспективу данного исследования видим в проведении большего количества независимых оценок в работе с билингвами с использованием билингвистических стандартов, поскольку именно родной для этой категории людей язык является единственно подходящим для такого рода исследований.

Одной из задач нашей работы было не только определиться с терминологией, поскольку проблема нативности определено выходит за рамки терминологических вопросов.

Проблема важности меток, особенно для монолингвов и билингвов периодически так или иначе поднимается в кругу лингвистического сообщества. Мы предприняли попытку доказать, что не только монолингвы, но и билингвы с унаследованным языком могут и должны рассматриваться как урожденные носители языка и их язык может выступать в качестве стандартного и иметь метку «родной язык». Не принятие такой ситуации — значит, с нашей точки зрения, отрицание мировой лингвистической реальности, где мультилингвизм является преобладающим состоянием лингвистического знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969, 260 с.
2. Выренкова А. С., Полинская М. С., Рахилина Е. В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. № 3, 2014. с. 3
3. М. В. Копотев («наследуемый язык») [М. В. Копотев] Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. — Прага: Animedia Company, 2014, 230 с.
4. Марушкина А. С., Рахилина Е. В. Корпусные исследования особенностей речи нестандартных говорящих («херитажный» русский) // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том XI, ч. 1, 2015, с. 621–638
5. Николаев С. Г. Феномен билингвизма: проблематика и исследовательские перспективы. Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 3, 2013, с. 86–96
6. Оршанская Е. Г. Современные научные подходы к изучению билингвизма «Преподаватель XXI век». М.: ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», 2009, с. 20
7. Поливанов Е. Д. Специфические особенности последнего десятилетия 1917–1927 в истории нашей лингвистической мысли // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. Избранные работы. Москва: Наука, 1968. С. 51–56
8. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленинградского университета, Т. I. 1958. 183 с.
9. Blommaert J., Rampton B. Language and superdiversity, Diversities, MMG Working Paper 12–05, 2012. p. 1–30
10. Dąbrowska E. Different speakers, different grammars: Individual differences in native language attainment, Linguistic Approaches to Bilingualism, vol. 2, 2012, p. 219–53
11. Fotini Anastassiou, Georgia Andreou, Maria Liakou. European Journal of English Language, Linguistics and Literature. Vol. 4 No. 1, 2017. с. 61–73
12. Genesee F. H. Early childhood bilingualism: Perils and possibilities. Journal of Applied Research on Learning, 2 (Special Issue), Article 2, 2009, pp. 1–21
13. Montrul Silvina, The acquisition of heritage languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. p. 382
14. Polinsky M., Kagan O. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom, Language and Linguistics Compass, vol. 1 5, 2007. P. 368–395
15. Polinsky M., Ekaterina Rakhilina, Anastasia Vyrenkova. Linguistic creativity in heritage speakers // Glossa, Vol. 43, 2016. p. 1–29

16. Rodríguez M. Victoria. Families and Educators Supporting Bilingualism in Early Childhood. *School Community Journal*, Vol. 25, No. 2, 2015. p. 177–194
17. Romaine S., *Bilingualism*, Oxford: Blackwell, 1995. 384 p.
18. Rothman J. Understanding the nature of early bilingualism: Romance languages as heritage languages, *International Journal of Bilingualism*, vol. 13 2, 2009. p. 155–63
19. A Prolegomenon to the Construct of the Native Speaker: Heritage Speaker Bilinguals are Natives Too! *Applied Linguistics*. Vol. 35. 2014 P. 93–98.
20. Silva-Corvalán C, Treffers-Daler, J. The measurement of bilingual abilities: central challenges. In: *The Cambridge Handbook of Bilingualism*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 2018, P. 93–98
21. Silva-Corvalán C, Treffers-Daler, J. *Language Dominance in Bilinguals Subtitle: Issues of Measurement and Operationalization* Published: 2019 Publisher: Cambridge: Cambridge University Press Edited by Annick De Houwer, Universität Erfurt, Germany, Lourdes Ortega, Georgetown University, Washington DC DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316831922.016> 2019.P. 289–306
22. Treffers-Daler J. Operationalizing and measuring language dominance, *International Journal of Bilingualism*, vol. 15 2, 2011. p. 147–63

© Некрасова Ольга Алексеевна (olynchik_86@mail.ru), Мазирка Ирина Олеговна (mazirka_den@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный областной университет